

ГРИГОРИЙ
ОСТЕР

ВРЕМЯ
ТВОЕ

МУРМАНСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО, 1974

**Григорий
Остер**

**ВРЕМЯ
ТВОЕ**

Стихи

*Григорий Остер родился в Одессе в 1947 г.
Служил матросом
на Краснознаменном Северном флоте.
Работал в редакции флотской газеты
„На страже Заполярья“.
Сейчас студент
Московского литературного института
им. Горького.
„Время твое“—
первая книга его стихов.*

О $\frac{0742-004}{M150(03)-74}$ 16—74

© Мурманское книжное издательство, 1974 г.

Солнце в рост
                                над землей встает.
Тень шипит на большом снегу.
Здравствуй, Север мой!
Я твой флот.
Берега твои
                                берегу.
Снег на сопках крутых затих.
Глыбы льда на гранит легли.
Я веду вдоль границ твоих
Крепкогрудые корабли.
Здравствуй, Север мой!
Ты — мой дом.
В белых бухтах стоит вода.
Здесь встречают меня теплом
Заполярные города.
Над заливами виснет тень.
Здравствуй, Север мой!
Я — твой друг.
Начинай свой рабочий день
Добрым делом рабочих рук.
Я огромной страны края
Никогда не отдам врагу.
Будь спокоен, мой Север.
Я
                                берега твои берегу.

УСТАВ ФЛОТА

От железных работ устав,
В кратких отдыхов наших миги
Не садимся читать Устав —
Выбираем другие книги.
Но живем на посту своем,
И нужна нам эта работа.
И уставы сердец во всем
Совпадают с Уставом флота.

ПЕСНЯ ИЗ ГЛУБИНЫ

Посвящается
подводникам-североморцам
Великой Отечественной

Мы где-то под вами,
Мы там, под волнами,
Туман по воде проползает, как дым.
Мы видеть хотим,
Что творится над нами.
Мы видеть хотим.
Мы видеть хотим.
Мы боя не ищем,
Мы славы не копим.
Мы крышам своим добываем покой.
Подводные лодки несут перископы
Над самой водой,
Над самой водой.
На ощупь беду ожидаешь любую
С востока ли, с юга ли,
В борт или в лоб.
Так мы ж не хотим под водою вслепую.
Поднять перископ!
Поднять перископ!
Идем подо льдами,
Идем под волнами.
Волна глубока, и земля далека.
Чужие громады проходят над нами,
Чужие громады глядят свысока.

И всплыть нам, что выставить лоб из окопа.
Но светит нам искра Полярной звезды.
Подводные лодки несут перископы
У самой воды.
У самой воды.
Протяжной торпеды холодное пламя,
Густого тумана распластанный дым.
А шедший над нами
Уже под волнами,
И мы в глубине проплываем над ним.
Мы смерти не ищем,
Мы славы не копим.
Мы крышам своим добываем покой.
Подводные лодки несут перископы
Над самой водой.
Над самой водой.

Н Е Б О

Мягкой влагой пропитан воздух,
Спит земля, сыра и огромна.
Самолеты взлетают к звездам,
Оттолкнувшись от аэродрома.

За ночь звезды светить устали,
Им к утру показалось вдруг:
Самолеты уходят в дали,
От людских оттолкнувшись рук.

Облака над землей повисли,
Облака в вышине сплелись.
Наши руки, сердца и мысли
Поднимают машины ввысь.

Ветры светлые дуют с веста.
Человек идет по бетону
На свое рабочее место —
В сердце синему небосклону.
Человек подойдет к машине,
Оживут турбины, завоют,
И взметнутся крылья большие,
Зашумят за его спиною.
Заскользит по бетону птица,
Обоьет дыханьем могучим,
Крылья выплеснет, разбежится
И взлетит к рыжебоким тучам.

Только утки в болотах ахнут.
Взять им крылья такие где бы?
Человек заступил на вахту,
Принял пост боевой свой — небо.

Человек посреди рассвета,
Человек посреди восхода,
Под крылами плывет планета —
Города, леса и заводы.
Человек склонился над нею,
Голубому простору внемля.
Человеку с высот виднее,
Человек охраняет землю.

Выплывает навстречу птице
Синевы голубое знамя.
От границы и до границы
Вся страна под ее крылами.
За границами дымка тает
В небе, полном густого чуда.
Только птиц перелетных стаи
Не боятся лететь оттуда.

Но случится беда какая —
И, турбинами небо роя,
Всю страну от края до края
Человек под крылом укроет.

Жизнь его высотой великой
Наградила сполна, богато,
На лице его пляшут блики
Всех рассветов и всех закатов.

Пусть к далеким чужим державам
Уплывут облака тугие.

Человек спускается к травам,
Поднимаются в синь другие.

Не кренясь под бураном лютым,
На машине, омытой громом,
Человек спускается к людям
И идет по аэродрому.
Травы пахнут детскими снами,
Смолк в ушах отголосок чуда,
И шуршат за его плечами
Крылья, сложенные покуда.

ПИСЬМО

Здравствуй, мама!
Метелью воев
За окном твоим неба жуть.
Ты, наверное, думаешь,
что я
В рукавицах теперь хожу.
Полагаешь, что в шапке с мехом
Я спасаюсь от непогод.
Как же —
сын твой служить уехал
На далеский Северный флот.
А я дальше, гораздо дальше...
Тут над палубой звездный крест.
К нам сюда не доходят даже
Тучи ваших поволжских мест.
Пахнет море горячей солью.
В зное кружится небосвод.
Под тропическим южным солнцем
Проплывает Северный флот.
Здесь волна, как у нас, упряма,
Как у нас, тяжела вода.
Ты, наверное, спросишь, мама,
Для чего мы пришли сюда?
Что мы волны дальние пашем?
Что за ветры нас унесли?
Что нам надо вдаль от нашей
Голубой Советской земли?

Слушай, мама, —
однажды сонно

Тени мачт по волне легли.
Проскользнули вдоль горизонта
Чьи-то черные корабли.
И на палубах их,

согреты
Тем же солнцем, что нас печет,
Настороженные ракеты
Грозно целились в небосвод.
Тихо тени по волнам плыли,
В небе ветер шел голубой.
А они нацелены были,
Знаешь, мама,
На домик твой.
И на двор наш,

в наш тополь старый,
В каждый колос нашей земли.
Долго-долго наши радары
Провожали те корабли...
Горизонт го размыт, то дымчат,
Но глядим мы ночью и днем:
Вот с какими целями нынче
Мы в нейтральных водах идем.
Полыхает морское поле,
Волны белые беребя.
...Не могу же я им позволить
Наводить прицел на тебя.

ПЕХОТА МОРЕЯ

По красной ракете,
По жесту, по знаку
Десантные роты
Уходят в атаку.
Седые сугробы
Вдоль берега руша,
Пехота ведет
Наступленье на сушу.
Уверенно, яростно,
Дерзко, красиво.
Пехота морей —
Продолженье прилива.
Похожа на птиц
Белоснежно-крылатых,
На голову вражью —
Как снег, в маскхалатах.
И спросят большие снега в изумленье:
«Откуда пехота ведет наступленье?»
И птицы,
                    друг другу
Над берегом вторя,
Ответят:
«От моря, от моря, от моря!»

ВЕСЕННЕЕ

Кончилось безмолвье
Зимней тишины.
К айсбергам уходят
Вьюги постепенно.
Наполняет солнце
Паруса весны,
И с волны крылами
Чайки ловят пену.
По воде струится
Утренний туман,
Солнечные блики
На воде, как пламя.
Дышит Ледовитый
Древний океан
Южными, густыми
Теплыми ветрами.
Где-то пробуждается
Среднерусский край.
Реки раскрываются.
Молодеют чащи.
Нынче с вереницами
Перелетных стай
Письма наших девушек
Прилетают чаще.
Север нас не балует
Тепленькой судьбой.

Никогда моряк еще
Неженкою не был.
Но приятно все-таки,
Если над тобой
Южное, весеннее,
Голубое небо.

РЕПОРТАЖ С РАЗГРУЗКИ УГЛЯ

Пусть с усмешкой скажет кто-то,
Что романтика не в счет.
Здесь всерьез идет работа,
И на лицах блески пота —
Разгружает уголь взвод.
Раз матрос берет лопату —
Значит не по мелочам.
Уголь сыплется по скату,
Так работают ребята —
Липнут тельники к плечам.
Но опять с усмешкой кто-то:
«Что уж так хвалить ребят!
В зиму мерзнуть неохота,
Вот и спорится работа.
Не кому-то — для себя».
К личной пользе? Ну и что же?
Так хотим и будем жить.
А, простите, для кого же
Нам прикажете служить?
Для себя дороги строим,
Скалы Севера дробя.
Мы ходить учились строим —
Это тоже для себя.
По земле ползти по-ужьи
И в походе песни петь —
Для себя, своим оружием
Обучаемся владеть.

Потому что если грянет
Грозовой военный гром,
То никто для нас не станет
Защищать наш край и дом,
Нашу улицу и речку,
Нашу маму и сестру,
И скамейку, и крылечко,
И соседку по двору.
Это наше дело, наше.
Мы в ответе пред собой.
Для себя лопатой машем,
Для себя пойдем и в бой.

РОДИНА

Нашу юность все ветра качали,
Развевая флаги за кормой.
Вот стоят ребята на причале.
В первый раз
Из самой дальней дали
Возвратились юноши домой.
Под далеким, вязким южным громом,
Вспарывая моря целину,
В первый раз
Они назвали домом
Не село,
                  не город,
А Страну.
Всю Страну: леса, равнины, реки.
Запах ждущей мартовской земли.
В их сердцах останется навеки
Ощущенье Родины вдали.

ЛЮДИ В ОТСЕКАХ

1

Подводная лодка —
  черта на воде.
И ею подчеркнуты
Волны и сопки.
А сверху
  к заливу
Спускаются
  тропки
По белой бескрайности,
По чистоте.
По снегу.
И этих снегов чистота,
И чистых сердец
Человечность простая —
Не это ль и есть
Основная черта
И сущность
  сурового нашего края?!
Я знаю людей...
Они служат,
  живут
На этом спокойном
Некрасочном фоне.
Не это ль и есть
Тот обыденный труд,

Достойный
ему посвященных
симфоний?!

Подводники —
Их отличают везде,
Но им не нужна
Легковесная слава.
Подводная лодка —
черта на воде.
И ею подчеркнуты
Судьбы подплава.

2

Подводная лодка —
Черта на воде,
И ею подчеркнуты
Волны и сопки.
А сверху
к заливу
Спускаются
тропки
По белой бескрайности,
По чистоте.
Мы, люди,
хотим,
Чтобы в мире везде
Не рыли окопы,
А строили зданья.
Подводная лодка —
черта на воде.
И ею подчеркнуты
Наши желанья.

Зачеркнуты ею
Все те,
    кто бедой
Грозит нам
    на западе
И на востоке.
И твердо подчеркнуты
Этой чертой
Декрета о мире
Бессмертные строки.

ЕГО ТОВАРИЩИ

Спи.
Бойцы уходят в ночь.
В годы и века.
...Ты не можешь им помочь.
Нет тебя пока.
Спи, пока ты не рожден.
Жди своей судьбы.
Жди, пока ворвется в сон
Дальний зов трубы.

И тогда,
и тогда...
Как невиданное половодье,
Затопляя страну,
Размывая трясину дорог,
За строкою строка
(Ну и брошены в гриву поводья)
О земле и о мире
(И выплеснут в небо клинок).
И пошла молотьба.
Только дышит испуганно небо.
Это что за борьба?
Это лунные тени коней.
Эта битва за что?
Это бой из-за песни и хлеба.

Привкус крови с огнем
Остается по донышкам дней.
Эти люди могли,
Эти люди хотели и были,
Эти люди сошлись
Понимать и любить заодно.
Это было давно,
Посплетались легенды и были.
Спи, пока тебя нет.
Спи.
Потом все увидишь в кино.
Это что за народ,
Что за люди?
Спроси их, спроси их!
Как из бурной реки
За волной набегаёт волна,
По разбухшим от крови
Весенним дорогам России
В бесконечной погоне
Гражданская скачет война.

* * *

Эти трое ребят
Вовсе не были в драке пеловки,
Просто пули есть пули,
Не им бы — достались другим.
И теперь у ребят
На троих —
Три штыка, три винтовки...
А отряд ускакал
В предрассветный, распластанный дым.
И остались они,
И хозяин поглядывал косо

(В самой лучшей избе
Командир поместить их велел),
Так уж вышло:
Все трое кронштадтцы,
Все трое матросы —
Мастера штормовых, просоленных, бушующих дел,
Что вам их имена?
Посплетались легенды и были.
Ночь. В просторной избе
Густо пахнет крестьянским жильем.
Говорили они.
Всего чаще они говорили
О товарище Ленине,
Ленине, друге своем.

* * *

Три винтовки на троих,
Три горячих раны...
«Нет, — сказал один из них, —
Помирать нам рано». —
А другой: «Неплохо б жить,
Воевать до мира.
Братцы, вот бы нам дожить
До Советов Мира».
Но, качая головой,
Отвернулся третий:
«Вот поправлюсь — и домой.
Дома жинка встретит.
Я войной по ноздри сыт.
Наглotalся дыма,
И нога моя болит,
Братцы, нестерпимо».
Но в ответ товарищ встал:
«Брось — болит колено,

Знаешь, что б тебе сказал
Сам товарищ Ленин?
Сколько он ночей не спит?
Где берет он силы?
У тебя нога болит...
У него — Россия.
У него в огне Кавказ,
Украина в ранах.
Только знает он: сейчас
Отдыхать нам рано.
Всем охота мирно жить
Меж земли и воли.
Надо прежде заслонить
Родину от боли!»

* * *

По дворам собаки, воя,
Теребили тишину.
За столом сидели трое.
Встал один, шагнул к окну.

И тотчас же засвистели
Пули, правя торжество,
И матросы разглядели
Душу друга своего.
На рубахе белой ало
Проступила суть ее.
И шатнулся. И сказал он:
«Ах ты сволочь! Кулачье».
Только выстрелы сверкнули,
Им уже потерян счет.

В окна пули, в двери пули,
И еще, еще, еще...
И второй в минуты эти
На полу ничком. Затих.
Но из трех винтовок третий
Бьет подряд за всех троих.
За троих в бою он ловок,
И пока он жив, пока
Бой ведет из трех винтовок —
Трое живы для врага.
Время близится к рассвету,
Нет патронов,
Дом в дыму...

Спи...
Тебя на свете нету.
Чем поможешь ты ему?
Эх, когда б могли мы, милый,
Из сегодняшних времен
Двинуть армий наших силу
В утро то и в тот район!
Как бы в бой рванулись роты,
Приминая ковыли!
Как бы небо самолеты
Заслонили от земли!
...Свет подходит с небом синим
К холодеющим губам.
Мы помочь ему не в силах,
Это он поможет нам.
Если нелегко сегодня,
Если ждет сегодня бой —
В наши дни, бросая сходни,
Он приходит к нам с тобой...

* * *

Спят товарищи Ленина.

Спят.

И заря на восходе

Поднимает их кровь

И стоит над землей, горяча...

...Но, как прежде, опять

Боевые отряды уводят

По сегодняшним дням

Боевые друзья Ильича.

...Ты, идущий за нами,

Еще не родившийся ныне,

Ты, кому на земле

Наше дело продолжить дано,

Спи, пока тебя нет.

Спи, пока над землей не раскинет

Крылья

Время твое.

Спи.

Потом нас увидишь в кино.

БУЛЫЖНИК КРОНШТАДТА

Булыжник Кронштадта, булыжник Кронштадта,
Ты сер под ногами, спокоен и тих,
Ты помнишь, как небо висело,

распято

На черных крестах бомбовозов чужих!
Ты помнишь шагов неумную россыпь...
Соленые ленты вдоль улиц текли,
Матросы, матросы, матросы, матросы
Шли в бой, покидая свои корабли.
Сегодня, как прежде, на берег обрушит
Косматые волны холодный залив.
Они умирали на суше, на суше
Упрямую кровь свою в землю пролив.
О, дальние взрывы! О, горькие вести
О каменных людях, ушедших без слов...
Булыжник, ты — тысячи сомкнутых вместе
Из почвы протянутых вверх кулаков.
Их темные грани вдруг выблеснут остро
Распластанной болью, вчерашней бедой.
И кажется мне: будто весь этот остров —
Тяжелый кулак над железной водой.

Ночь,
худящими волками воя,
Расплескала свое воронье.
Сквозь рязанское небо рябое
Звезды падают на жнивье.
Ветры движутся в черном гуле.
Разуверь меня кто-нибудь:
Не попавшие в цели пули
В небе строятся в Млечный Путь.
Деревеньки вдали уснули,
Над речушкой склонился мост...
Улетевшие в небо пули
Возвращаются
градом звезд.
Только, может быть, все иначе.
Спят вороны, на ветви сев.
Может, это сегодня начат
Мной предсказанный звездный сев.
...Путь от запада
да по север,
Путь от севера
да по юг.
Звезды, с неба упав посевам,
Песни синие допоют.

И потом, и потом,
                                когда
Переспят они в поле зиму,
Пусть взойдет хоть одна звезда
Вместе с хлебом, земным, озимым.

СЕРДЦЕ

То сердце вмещало
Зеленый простор
И темные глыбы
Синеющих гор,
В нем маки горели
И вишни цвели,
И ритм того сердца
Был ритмом земли.
То сердце заполнить не мог океан,
Моря, и озера,
И реки всех стран.
А пуля
                    заполнила
Все до конца.
И было в той пуле
Семь капель свинца.

Так начинается молчанье.
Сначала — просто тишина.
Потом...

        потом уже со дна
Всплывет холодное отчаянье.
Потом безмолвный крик души.
Потом беспомощность обступит.
Потом источит и иступит
Бессилье все карандаши.
Потом,

        неумолим, жесток,
Не сдвинет лодку павший парус...
Сначала — просто точки пауз
На месте невзошедших строк.
Потом — безмолвье, как стена,
Потом — ненужных слов мельчанье...
Так начинается молчанье.
Сначала — просто тишина.

В Ч А Щ Е

Я был насмешливым и едким,
Я шел, и, силы не тая,
Я раздвигал тугие ветки,
И не придерживал их я.
Я шел, и был я тверже стали,
И знали все, что крепче нет.
Но ветки голые хлестали
Всех тех, кто шел за мною вслед.
Я раздвигал плечами чащи,
Я мог не спать, я мог не пить.
Но место первого все чаще
Меня просили уступить.
Я был сильнее всех их вместе,
Я долго спорил сгоряча.
Но уступал.

На новом месте
Я шел, обиженно ворча.
Я шел рассерженный и едкий.
И в злой обиде, как во сне,
Не замечал того, что ветки
Передавали в руки мне.

З В Е З Д А

Скользкой вспышкой слепой
Оплескав города,
Надо мной, над тобой
Просвистала звезда,
Словно сбитая влёт
Миллионами глаз...
Значит, кто-то умрет
В эту ночь среди нас.
И над странами страх
Понесли провода —
«Чья упала звезда?
Чья упала звезда?»
И качнулась вода
В тесном русле ручья,
Но была та звезда
Совершенно ничья.
И не умер никто,
И никто не исчез...
Так о чем это шепчет
Вершинами лес?
Ведь уснула вода
В тесном русле ручья,
Ведь была же звезда
Совершенно ничья.

Позабыл я, в этом ли бою
Влип осколок в голову мою,
В той ли битве медная стрела
Точно в сердце самое вошла.
В голове осколок,
В сердце медь...
От какой мне раны умереть?
Обе боль, и обе навсегда.
Эта насмерть, и смертельна та.
Опускаю голову в траву
И живу, живу, живу, живу.

Я тропую длинною
                        пробираюсь по лесу,
Я седому лешему
                        свой вопрос несущу:
Что? медведи бурые
                        все живут у полюса?
Что? медведи белые
                        все живут в лесу?
Белые, заметные
                        мишеньки-мишели.
Зреет лай охотничьих
                        здоровенных псов.
Бродят меж осинами
                        белые мишени,
И стучатся пули
                        о стволы осин.
А над дальней льдиною —
                        никуда не денутся, —
Над снегами белыми —
                        бурые, хоть плачь.
Подойдет — приценится,
                        подползет — прицелится,
Грянет гулким выстрелом
                        рыжий бородач.
Зайцы перекрасятся
                        на зиму да на лето,

Волки перепрячутся — прибегут весной.
Сколько крови налито!

Красной крови налито
На снегах белеющих,

на траве лесной!

Я тропую длинную
пробираюсь по лесу,

Я седому лешему
свой вопрос несу.

А медведи бурые
все живут у полюса.

А медведи белые
все живут в лесу.

ИСКУССТВО

Меня не манит роль всезнайки.
Но мне понять дано судьбой,
Что декорация с изнанки
Желает быть сама собой —
Холстом, картоном, краской, жестью.
В конце концов ведь все вольны
Сказать:

«Останусь тем, чем есть я,
Хоть с той, обратной, стороны».
И пусть трем сотням поколений
Смотреть и таять суждено,
И будь он даже трижды гений,
Творящий это полотно.
Но, что б оно ни означало,
На месте зрителя губя, —
Изнанка будет чем попало,
Но будет означать себя.

Я сыт сегодня
   хлебом и дождем —
Сухому хлебу предпочел я это.
Полярное
   бессмысленное
   лето,
Перемещаясь,
   движется кругом.
Мой новый дом —
   хороший, прочный дом,
В нем половицы красные подогнаны,
Шершавый мох ничком живет под окнами,
И за сараем камни пахнут льдом.
Граненый уголь сыплется в подвал.
На славу уготовано жилище.
Упругий свет,
   корявый запах пищи,
Пустого сна штрихованный овал.
Я прежде ничего не понимал.
Такая радость в прочности понятий —
Они — как камни:
Можно взять, поднять их,
Носить и прятать на зиму в подвал.
Вещественно все сущее кругом.
И в тундре хлюпкий мох деревенеет.
Зима вблизи.

Уже видны над нею
Большие ветры,
                                вставшие ребром.
Вокруг меня тесней сомкнется дом,
Громоздкий снег задвигается под небом.
И завтра буду сыт я
                                льдом и хлебом,
Как сыт сегодня
                                хлебом и дождем.

От своих бастионов бегу,
Отступаю навстречу врагу,
Потому что в окопы мои,
Как лазутчики, впали ручьи.
Мне уже не до драки с врагом,
Для него это тоже разгром.
Тает лед по болотам до дна.
Беспощадная всходит весна,
И в тумане ее, как в дыму,
Захлебнуться и мне и ему.
Кто ж ведет на болотах войну?
Мы теперь у трясины в плену.
И друг другу грози не грози,
Все застряли сегодня в грязи.
Ледяная растаяла твердь,
Под ногами колышется смерть,
И, как будто нас не было тут,
Над болотами утки орут.

ТАЙНА

У самых скал, где солнце камнем сбито,
Есть тайна общая у снега и у льда.
И если знает что-нибудь вода,
Так это только предсказанья чьи-то.
Есть тайна общая у света и огня.
Но если что-то слышали поленья,
Так это только чьи-то наставленья,
Так это только чья-то болтовня.
...Из моря вьюги

вышли мы к огню,
В снегу стоял костра высокий замок.
Я засмеялся:

«К нам судьба добра!»
Но ты шепнула белыми губами:
«Как я согрею руки у костра,
Когда они по локти вмерзли в пламя?»

,

Когда в битве под Бородино Наполеону посоветовали ввести в бой его старую гвардию, не принимавшую участия в сражении, он отказался.

Египет,
плаха,
шесть ступеней к трону.
Смоленск, леса, дороги, мужики.
Бородино...
Я гвардию не трону.
Кутузов отведет свои полки.
И будет день. И город с куполами.
Щербатый Кремль. И чей-то гулкий дом.
И ночь потом.
Свечей скупое пламя
Взлетит на крыши русским петухом.
И будет день.
Потом, как выпад острый,
Париж,
изменой встретивший меня,
Надежды остов и Елены остров,
И яд на дне хрустальнейшего дня.
Растратим все.
Войска,
столицы,
троны
Рассеем в сизом пушечном дыму,

Но самого последнего не тронем
И сохраним,

бог знает почему.

Когда мелеют дни, и гаснут реки,
И ночь не верит предрассветным снам,
Тогда слепит нам сомкнутые веки
Последнее оставшееся нам.

Когда нам боль дробит сухие вены,
Оно

восходит в солнечном дыму.

Идем к нему...

но — неприкосновенно.

И, оступаясь,

рушимся во тьму.

И это значит — час последним не был,

Кто знает, что у бога на уме?..

Был день.

Был бой.

И солѳвело небо.

И гвардия стояла на холме.

**ПЕСЕНКА
ВЕТРЯНЫХ МЕЛЬНИЦ**

А зла на Дон-Кихота
Мы знать не знаем. Нет.
Какая нам охота
Ломать ему хребет?
Меж нами — ветряками
Все тот же самый сказ:
Ветра стоят над нами,
Они сильнее нас.
Да мы в работе вроде.
Мука — она еда.
И крылья наши ходят
По кругу, как всегда.
Мы можем то, что можем,
И больше ничего.
Мы, может, как без кожи,
Без дела своего.
Крыла литое тело —
На труд, а не на страх.
Но ветры...

Наше дело
При них и в их руках.
Взлетают руки наши.
Откуда ведать нам,
Что руки наши машут
По чьим-то головам?
Взлетают наши руки,
Ну кто же разберет,

Какой на этом круге
Сорвется донкихот?
А это мы не сами
Убьем его сейчас.
Ветра стоят над нами,
Они сильнее нас.
А зла на Дон-Кихота
Мы знать не знаем. Нет.
Какая нам охота
Ломать ему хребет?

О Н И

Когда Джульетта умерла,
Они мириться порешили
И дружно с той поры зажили,
Когда Джульетта умерла.
Когда ушел от них Толстой,
Они искать его ходили
И, отыскав, похоронили,
Когда ушел от них Толстой.
Когда расстрелян Пушкин был,
Они цветы несли к могиле,
Они стихи его хвалили,
Когда расстрелян Пушкин был.
Они ведь, в сущности, добры,
Они оценят все в итоге
И разберутся:

  где дороги,
Где лишь проезжие дворы.
Они так искренни во всем
И все в конце концов оценят.
О, стыдно говорить о ценах
Побед, одержанных добром!
И стыдно зря транжирить дни.
Служить им верно —
  вот блаженство.

Настанет время,
  и они
Еще достигнут совершенства.

АХИЛЛ

Упал Ахилл.
Салют герою!
Убит солдат.
В бою убит,
Под той незыблемой горою,
Где Троя славная стоит.
Над грузным морем
в грозном небе
Дрожащих мачт
безмолвный лес.
Не верят греки —
сказка! небыль!
Как мог погибнуть Ахиллес?
Дрожат костры.
Молчат солдаты.
Опять всевышняя рука!
Ведь были шлем его и латы
Неуязвимы для врага.
Вновь часовые ждут тревоги,
В туманах лунный щит исчез.
Как больно знать,
что могут боги
Решить твой бой,
сойдя с небес.

За огородом и за садом
Расположила ночь войска.
Из гаража, как из засады,
Глядят глаза грузовика.
Вечерним ветром в землю вмятый,
Бьет запах мяты вдоль земли.
Сухие травы, как солдаты,
Рядами в поле залегли.
В росе, измокшая до нитки,
Поротно в поле рать лежит.
В оврагах сосны, как зенитки,
Все скопом целятся в зенит.
Ночное небо пахнет боем.
Все ветки взяв наперевес,
Развернутым, широким строем
Из-за холмов подходит лес.
Стволы нахохлились сутуло,
Листва не выдаст узких троп.
Все дупла черные, как дула.
Заряжены. И целят в лоб.
В траве полно цикадных раций,
Земля стрекочет о войне.
Все тут, все ждут, желают драться...
Но все на правой стороне.
Над лесом — темных листьев лава,
Вдоль поля — трав защитный цвет.
Но все, что есть в природе, — право.
А где неправые? Их нет.

Повсюду все —
Озер колодец,
Деревьев шум и свет светил —
Один и тот же полководец
Собрал, построил, обучил.
И пахнут клевером и воском
Ночные ульи и стога.
Смешно.
Явилось биться войско,
Постройлось...
а нет врага.

Говорила мне подруга:
«Не тревожь себя, не мучай,
Просто так, на всякий случай,
Улетают птицы к югу».
В темном небе стая стыла
У звезды над головой.
Мне подруга говорила:
«В жизни будет все, как было,
Все, как прежде, милый мой!»
Говорила мне подруга,
Распускала наземь косы,
Улетели птицы к югу,
Надо мной настала осень.

...Не будем об этом, не станем,
Тут все мы друг другу под стать.
Я жил с перелетною стаей,
Не смеющей вдруг улетать.
Ходили по кромке болота,
Копили под перьями страх,
Все ждали и ждали чего-то
И перья мочили в прудах,
Все ждали и ждали кого-то,
Всё были кому-то верны...
Какие теперь перелеты?
Теперь зимовать до весны.

...Не надо о снеге, не стоит,
Не стоит он всех этих слов,

Осеннее небо пустое,
Железные лужи дворов.
Широкие, низкие горы,
Далекий, неслышимый лес.
А снег... Он еще и не скоро.
Что снег? Он еще и не здесь.
Далеко отсюда. Далеко,
За сто переходов пути —
Вода, где уже ни осока,
Ни мох не умеют расти.
Течет никуда — ниоткуда
Сквозь белый мерцающий год
Сухое, холодное чудо —
Вода, обращенная в лед.
Там падает каждое слово,
Ледышкою звякнув, к ногам,
Но с нами не будет такого,
Ведь нас не достанут снега.
Оставим о них разговоры,
Мы верим не этим словам.
Что снег? Он еще и не скоро.
Что снег? Он еще и не нам.

Где-то свет над водой,
                                где-то день голубой.
Удивленный, шумящий, ничей.
Звезды
                    птиц перелетных ведут за собой,
Унося их от мертвых ночей.
И с начала столетий
                                на нашей Земле
Так и будет всегда и везде:
Птицам звезды укажут дорогу во мгле —
И никто не укажет звезде.

С Н Ы

Я знаю, что вам снится.
Вам снится, что вы летаете.
Ночами вы медленно парите в тишине.
Вот что вам снится!
И прадедам вашим снилось это.
И внукам вашим приснится все то же.
А знаете вы, что снится львам?
Львам снится, что они летают.
И червям, и улиткам, и рыбам.
Я знаю!
Я знаю!
Вот только не знаю я —
Не знаю, что снится птицам!

С Т О Н

Стон — это не крик,
Стон — это не плач.
Стон —
Это не стиснутые зубы железного человека,
Стон — это не признание в слабости.
Стон — это боль,
Это просто боль,
Без одежды, без обуви,
Без головного убора.
Крик —
Это разодранная на груди тельняшка.
Плач —
Это мокренький кружевной платок.
Стиснутые зубы —
Это гимнастерка.
Стон — это боль,
Босая боль человека,

На кончике дня,
накрепленного ало,
Целуя меня,
ты глаза закрывала.
А утром, сквозь окна,
шумели цветы.
И, выбежав к солнцу,
зажмурилась ты.
Зачем закрываем глаза свои мы?
Что прячем от света?
Что прячем от тьмы?

Мартовская изморозь строки,
В пол-листа растекшейся и длинной.
Все еще не сбиты и крепки
Башмаки, измазанные глиной.
Шел и лгал... Легко и горячо,
Как сквозь реки вброд, сквозь эти речи,
Пласт глаголов давит на плечо,
И сжигает губы вкус наречий.
Жить — захлеб. Поверить — вопреки,
На́ слово, без тайны и тревоги.
Все еще не сбиты и крепки
Южных рек широкие пороги.
Все еще не смяты облака,
Лунный луч в листву процежен тонко.
Знать — на ощупь, баловать — слегка,
Гнать — шутя. И полюбить — вдогонку.

Пока ты спишь,
                все в жизни неспроста,
И каждой ночью что-нибудь случится —
Или в леса обрушится звезда,
Или в траве умрет большая птица.
Но утром дождь, как по ветру камыш,
Широким шумом под тобою слышен.
И ты, проснувшись, вряд ли различишь,
Что на земле одною песней тише.

ПОЗОЛОЧЕННАЯ РЫБКА

Нет.

Пора кончать нам с этим.
Мне с тобой,
как с морем зыбко.

Заскочила в мои сети
Позолоченная рыбка.
Жду у моря третий день я
И не рад такому чуду:
Нынче все ее хотенья
Я исполнить должен буду.
Рыбка, рыбка,

что тебе я?
Ну зачем тебе я нужен?
Я ведь даже не умею
Рыбы наловить на ужин.
Не стосилый,

не сторукий.
Жжет меня твоя улыбка.
Отпусти меня к старухе,
Позолоченная рыбка!
Глубока твоя дорога,
Я уйду —

и все забыто,
Ждет старуха у порога,
И корыто
не разбито.

Мы, как деревья у воды,
Не отличаем боли
От снега, ветра и дождя.
От осеней и зим.
Я знаю,
Мне ответишь ты,
                что все по нашей воле,
Что мы и прежде жили так,
И впредь того хотим.
И добрый человек
Придет пожать плечами
И скажет:
                «Все от вас...»,
Руками разводя.
И растолкует нам,
                что мы не отличали
От снегопада снег
И лужи от дождя.

Жара мои губы соленые сушит,
Мне тесно в галдящем порту.
Совсем не умею ходить я по суше —
Я морем в твой город приду.
И лодку найду я, и ветер поймаю,
И якорь заброшу в траву.
По волнам апреля, по синему маю
Я в город к тебе уплыву.
И волны качнутся, и штормы начнутся,
И чайки закружатся зло.
Но мачта моя не посмеет согнуться,
Предать не посмеет весло.
Я ветры отброшу, я штормы раздвину,
Я брызги швырну в небосвод —
И волны уснут, опускаясь в пучину,
И берег в тумане взойдет.
Но тщетно мой парус проплещется в ветрах.
Не выйдет опять ничего:
Ведь море кончается в ста километрах
От города твоего.

ВОСКРЕСЕНЬЕ

Я помню: когда-то,
                                под небом осенним
Нес месяц четыре своих воскресенья.
И тенью они пролетали над нами,
Кричали и радостно били крылами.
...Большие, хвостатые, глупые птицы,
Им хочется снова на плечи садиться.
Из дальнего юга вернулись скитальцы
И клювами больно хватают за пальцы.
Вернулись — и снова садятся на плечи.
Нам нечего дать им.

Нам встретить их нечем.

Ты видишь...

Ты видишь, как в небе весеннем
Последнее наше висит воскресенье
И катится каплей на кончик недели.
Но мы охладели к нему.

Охладели.

Оно ни к чему нам.

Оно нам не к спеху.

«На время расстаться?»

Куда-то уехать?»

Какие еще мы придумаем фразы?

...Давай лучше сразу!

О, ты меня не баловала ложью.
И в этом тоже ты была права.
И к лучшему, что в твой рюкзак не вложены
Мной не произнесенные слова.
Мне этих слов не выплакать, не выболтать
И в музыку, как в короб, не сложить.
Со всех окрестных станций
поезд выбыл твой...
Но надо жить.
И вот я буду жить.
...Задвинешь дверь.
В купе напьешься чаю.
Разговоришься с кем-то,
помолчишь.
Сбылось прощанье.
Я тебе прощаю.
И ты меня
за это не простишь.

Воочью:

у времени русла нет,

Валится день из рук.

Мир расчленен

на форму, цвет,

Запах, вкус, звук.

Если умеешь еще — беги,

Что поняла — забудь.

Он распадется на шаги —

Белый мой путь.

Вмерзшие в память дни-острова,

Ветви пустых дорог,

Видишь, рассыпались на слова

Сотни моих строк.

Мне ничего не собрать теперь,

Поразбредлись леса,

Это последнее, что тебе

Я говорю в глаза.

Больше не будет ветвиться след...

И понимаю вдруг:

Ты уже тоже — форма, цвет.

Запах, вкус, звук.

СКАЗКА О ВОЛШЕБНОЙ ДУДОЧКЕ

Кого ты ждешь? О чем ты плачешь, дурочка?
Что так тревожно хочешь не понять?
Послушай сказку о волшебной дудочке,
Умевшей три желанья исполнять.
И в первый раз, и во второй, и в третий...
Губами только тронь ее — и вдруг
Высокий дальний звук тебе ответит,
Сомкнется свет, восстанет древний дух.
Вели ему — и накрелятся ночи,
Вели ему — взметнутся звезд огни,
Так трижды все свершится, что захочешь...
А дальше что? А дальше — просто дни.
Большие горы. Тихие долины.
Дожди дневные — каплями, вразвес.
И лес. И путь неведомый и длинный.
И долгий век. И никаких чудес.

Я ни в чем уже себя не виню,
Так и должен был окончиться год.
Молча девочка подходит к огню
И на плечи ему руки кладет.
И сидит она одна у огня,
А огню уже наскучило с ней.
Иногда придет письмо от меня,
Иногда идет неделями снег.
Я ответов от нее не храню.
Так и должен был окончиться год.
Молча женщина подходит к огню
И на плечи ему руки кладет.

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ

Все то, что было, — мнимо,
Как петушок из жести.
В последний день с любимой
Запомни каждый жестик.
Запомни все.

Иначе
С начальных дней разлуки
Все меньше будут значить
Глаза ее и руки.
И станут все нелепей,
Без толку и без цели,
Былых великопепий
Пустые цитадели.
Рассвет скользнет по башням,
По стенам и по плитам —
И станет все вчерашним,
И станет все забытым.
И все предстанет ложным
В рассвете новых истин,
И станут невозможны
Письма сухие листья.
Все то, что было, — мнимо,
Как петушок из жести.
В последний день с любимой
Запомни каждый жестик.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ТА НЕ

Над землей неразбериха,
Ветер скачет — не унять.
Ну, а нам какое лихо?
В доме тихо.
Будем спать.
Стану рядом на колени.
Спи.
Ну, что же ты не спишь?
Там, снаружи,
                                ветер тени
Посыпал, как кровли с крыш.
Там, снаружи, свист и смута,
Ветер рыщет по углам.
Видно, он пришел к кому-то.
Спи, не бойся. Он не к нам.
Схватит лживого и злого
Ветер, спущенный с цепи.
Ты не делала плохого.
Он тебя не тронет.
Спи.

ВЕТЕР С ЮГА

Что мы знаем друг о друге?
Что мы значим друг для друга?
На полярном Южном круге
Ветер с юга.

Ветер с юга.
Смех врага. Измена друга.
Ночь без хлеба и огня.
Ледящий ветер с юга
Воет здесь вокруг меня.
И, гоня меня по кругу,
Ветер спутал неспроста
С детства северу и югу
Отведенные места.
...Если стать лицом к востоку,
То по правое плечо
Золотой жарой жестокой
Юг пылает горячо.
А за левую рукою
Белый снег да синий лед —
Бесконечные покои
Дальних северных широт.
Если стать лицом к закату,
Справа север, слева юг...
Так и я считал когда-то,
До начала всех разлук.
Ясный свет стоит упруго,
Словно струи серебра.

Ветер с юга, ветер с юга
Начинается с утра.
...Как я ждал его начала.
Ветер шел из южных стран.
Там пунцовые кораллы
Мёл на берег океан.
Там роскошные лианы
Лезли к пальме на плечо.
Там в бескрайние саванны
Било солнце горячо.
На полярном круге Южном
Замерзает небосвод.
Ну чего тебе там нужно?
Только ветер там да лед...
Что мы знаем друг о друге?
Что мы значим друг для друга?
На полярном Южном круге
Ветер с юга, ветер с юга.

Сон во сне, как одеяло,
С плеч сползал,
И ты шептала:
— Не буди меня, не трогай,
Я устала, я посплю.
Но тебя никто не будит.
Ты одна в своей постели.
Просто сон, как одеяло,
Слишком короток тебе.

СКАЗКИ

Веселися,
Василиса.
Аль не этого хотела?
Холодеет среди леса
Твоего Кашея тело.
Он лежит среди тумана,
Не вздохнуть ему, не встать,
И булатный меч Ивана
Загнан в грудь по рукоять.
Веселися,
Василиса,
Был Кашей не лучший воин,
Уж к нему крадутся лисы,
Уж над ним кружится ворон.
От любви его безмерной
Ты томилась много дней,
Оказался не бессмертным
Твой бессмертный чародей.
Что же ты глядишь так странно?
Чем глаза твои полны?
Ты сама звала Ивана
Из далекой стороны.
Веселись,
Иван с тобою.
Быть вам вместе до конца.
Выходи,
встречай героя
У Кашеева крыльца.

Веселися,
Василиса.
Аль не этого хотела?
Холодеет среди леса
Твоего Кощея тело.

Как-то царь своей царевне,
Самой царственной царевне,
Распрекраснейшей царевне
Собирался мужа взять.
И пришел к царю царевич,
Сам герой Иван-царевич,
И сказал царю царевич:
«Царь мой, я твой буду зять.
Дай, — сказал он, — мне работу.
Дай любую мне работу,
И тебе я всю работу
За одну окончу ночь.
Хочешь, мост тебе построю
И дворец тебе построю,
Целый город я построю,
И твою возьму я дочь».
Усмехнулся царь тогда
И сказал ему на это:
«Ну зачем же города
Строить за ночь, до рассвета?
Экой ты поспешный, право.
Дам тебе я сто Емель.
Сосчитай ты с ними травы
На полях моих земель».
И, Емель построив строим,
Тот покинул царский двор.
И царевна ждет героя,
Сидя в девках до сих пор.

Вот и все, царевна-ревушка:
На дрова пошел мой щит,
На колу моя головушка
У ворот твоих торчит.
Не послушался советчиков —
Я пришел тебя смешить.
Думал быть с тобой повенчанным,
А пришлось башку сложить.
Ну, а нынче...

Светел замок.
Свищет радостный народ.
Тут уж точно завтра замуж
Несмеянушка пойдет.
Над толпою ахи, охи,
Нынче пляшут все дворы.
...Скоморохи, скоморохи,
Скоморохи-гусяры.
Смех да гам кружит в народе,
Машут бубнами шуты.
На крыльцо тебя выводят...
Ну о ком же плачешь ты?
Ты молчишь, моя царевна,
Ты глядишь поверх голов.
А с ворот взирают гневно
Острия пустых колов.

Ахни, царь,
и жезлом стукни,
Хлюпнись об пол лужей слез,
Я, разбойник и преступник,
Нынче дочь твою увез.
Закричи, ударь в ладони,
Позови несчастных слуг,
Прикажи послать погоню
И на север, и на юг.
Ты ограблен,
обворован.
Над бессильем кулаков
В развороченных воротах
Остывает стук подков.
В чашу, в горы,
дальше, выше...
Ночь да версты впереди.
У плеча, вздымаясь, дышит
Частый жар ее груди.
Позади погоня — сбилась.
Не догнать. Не взять меня.
...А она сама садилась
На дрожащего коня.

СОДЕРЖАНИЕ

МОЙ СЕВЕРНЫЙ

«Солнце в рост над землей встает...»	7
Устав флота	8
Песня из глубины	9
Небо	11
Письмо	14
Пехота моря	16
Весеннее	17
Репортаж с разгрузки угля . .	19
Родина	21
Люди в отсеках	22

КАПЛИ СВИНЦА

Его товарищи	27
Булыжник Кронштадта . . .	33
«Ночь, худющими волками воя...»	34
Сердце	36

ОГОНЬ

«Так начинается молчанье...»	39
В чаще	40
Звезда	41
«Позабыл я, в этом ли бою...»	42
«Я тропю длинную пробираюсь по лесу...» .	43
Искусство	45
«Я сыт сегодня хлебом и дождем...»	46
«От своих бастионов бегу...»	48
Тайна	49
«Египет, плаха, шесть ступеней к трону...» .	50
Песенка ветряных мельниц	52
Они	54
Ахилл	55
«За огородом и за садом...»	56

«Говорила мне подруга...» . . .	58
«Где-то свет над водой...» . . .	60
Сны	61
Стон	62

ЛЮБИТЬ

«На кончике дня...»	65
«Мартовская изморозь строки...» . . .	66
«Пока ты спишь...»	67
Позолоченная рыбка	68
«Мы, как деревья у воды...» . . .	69
«Жара мои губы соленые сушит...» . . .	70
Воскресенье	71
«О, ты меня не баловала ложью...» . . .	72
«Воочью: у времени русла нет...» . . .	73
Сказка о волшебной дудочке	74
«Я ни в чем уже себя не виню...» . . .	75
Последний день	76
Колыбельная Тане	77
Ветер с юга	78
«Сон во сне, как одеяло...»	80
С к а з к и	81
«Веселися, Василиса...»	81
«Как-то царь своей царевне...» . . .	83
«Вот и все, царевна-ревушка...» . . .	84
«Ахни, царь, и жезлом стукни...» . . .	85

Григорий Бенционович Остер
ВРЕМЯ ТВОЕ

Редактор
А. Б. Тимофеев
Художник
Н. Н. Ковалев

Художественный редактор
А. З. Маркелов

Технический редактор
А. Ф. Сергеев

Корректор
З. М. Лазько

Сдано в набор 3/XII 1973 г. Подписано к печати
23/III 1974 г. Бумага мелованная. Формат бумаги
70×108/32. Усл. печ. л. 3,9. Уч.-изд. л. 2,7. Тираж 10 000 экз.
Заказ 7610. ПН 03034. Цена 47 к.

Мурманское книжное издательство,
г. Мурманск, Дом печати
Мурманская областная типография,
г. Мурманск, ул. К. Маркса, 18

МУРМАНСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО